

Возник тут и кирпичный завод.

(Продолжение.)

По правде говоря, предприятие называлось поскромней - артель «Керамик». Однако выдержки из отчета председателя за 1934 год впечатляют. Речь идет о «большом производственном здании», состоявшем из трех отделений: глинохранилища, формовочного цеха и помещения для сушки кирпича-сырца. На формовочном участке стояла глиномялка «Людига», «способная к производству 8000 штук кирпича» за один рабочий день!.. Производительность, как видим, заводских масштабов.

Теперь о природных запасах сырья: «глины в радиусе 500-600 метров» было, притом двух видов - «более крепкая и пластичная «красуха» (красная глина, по геологической терминологии) и «мелкая «синюха» (соответственно - синего оттенка, или голубая глина).

А началось все летом 1932-го, когда приказом № 1 на работу приняли первых четырнадцать новоприбывших людей разной национальности - девять мужчин и пять женщин. Были и семейные пары, к примеру, супруги Буш. Кроме основных специальностей, скажем, формовщика, в списке встречаются и такого назначения работники - подвозчик воды, кипятильщица...

Труд артельщиков был нелегким. Вся надежда была на лопату. Ибо с помощью нее, кирки и лома начали действовать прибывшие на работу в поселок Ваенга добровольцы нового набора из разных городов страны. Таким инструментом артельщики вручную удаляли поверхностный слой земли, перевитый растительными корнями, толщиной около полуметра, добираясь до чистой глины, залегавшей далее пластом до 2,5 метров. Лопатами же загружали ее в деревянные вагонетки, которые затем вручную толкали до складского помещения глинохранилища. Механизация, кроме машинной формовки, практически отсутствовала и в последующей технологической цепочке.

Готовую продукцию с завода вывозили на лошадях к берегу Кольского залива, до которого было около полутора метров. А еще в метрах семидесяти от берега (даже во время прилива) вставали на рейд тяжелые буксиры, приходившие за кирпичом. Так что его нужно было сначала загружать в лодки, а из них, на открытой воде уже, перегружать на основной транспорт, коим заводская продукция доставлялась в Мурманск.

Жилья при заводе было еще с избытком, деньги за труд выдавали дважды в месяц - аванс и зарплату. Погода стояла благодатная, по выходным лес манил грибами, ягодами... Но коротко заполярное-то лето. С осенним затяжным ненастьем кто-то затосковал, стал «заглядывать в рюмку», допуская на работе прогулы, другие самостийно начали перебираться из жилых «временок» в более капитальные и теплые помещения. В

отопительные же печи, кроме лесного сушняка, пошла и деловая древесина, закупленная заводом для строительных нужд у артели «Лесоруб», несмотря на приказные рекомендации о заготовках валежника «для личных нужд» и угрозу взысканий за «расхищение народного имущества».

Наказать подчиненного - дело нехитрое. Но к первому экзамену - испытанию суровостью климата - неподготовленным оказалось, прежде всего, руководство завода, не обеспечившего рабочих тем же топливом и теплой одеждой.

Формально наказания были законными. Но главный закон социалистического производства - план. От начальства выполнение его требовалось любой ценой. И если нет должной техники, оставалось выжимать все возможное из людских способностей. А многое ли могли рабочие, не имея нормального быта, условий для полноценного отдыха и восстановления сил.

Завод работал в половину своих возможностей. И вот почему. О запуске-то его победно отрапортовали в срок. Однако не успели сделать вентиляционные установки в сушильной камере. А в результате режим обжига растянулся вдвое, соответственно снизив производительность предприятия. Так, за одиннадцать месяцев было выдано 1 миллион 100 тысяч штук кирпича, то есть на 700 тысяч меньше проектной мощности.

С плановыми заданиями завод, понятно, не справлялся. За что начальству приходилось несладко - начались кадровые замены, и с каждым новым руководством ожесточались дисциплинарные требования к рабочим. И только. Лозунг «Кадры решают все!» явно не оправдывался. Ибо труженикам не могли дать от завода даже главное - вовремя выплатить зарплату, задержки которой затягивались до трех месяцев.

А что же в результате? Двоих рабочих уволили за перепродажу старых вещей, обвинив в спекуляции. Началось растаскивание кирпича, неизвестно кем и куда. За один год недостача такового достигла около 70 тысяч(!)... Не удерживали людей на предприятии и злополучные «полярки», когда месяцами не было денег на жизненно необходимые расходы. Расчеты чаще делались лишь на бумаге: задолженность руководство старалось сократить вычетами за пользование койко-местом, за использование лошади для нужд личных перевозок, за проезд на мотоботе...

Кстати, о последнем. Мотор судна уж настолько обветшал, что опытный механик Рене не одну неделю мучался, пытаясь «оживить» его. Терпение у начальства иссякло, и «технаря» отдали под следствие как вредителя!.. Правда, через полгода спохватились, не найдя лучшего специалиста, и назад его затребовали.

Случай показательный в том смысле, что, расправляясь в приказном порядке с работниками не очень радивыми, руководство всячески пыталось удержать от

самостийной «утечки» с предприятия людей нужных. Чтобы вовсе отчаявшиеся от заводских неурядиц не смогли сбежать отсюда самовольно, ввели официально разрешительные пропуска на мотобот.

Но такие и другие бумажные меры уже не могли предотвратить явного умирания кирпичного производства. В 1935 году завод решили продать в собственность Главсевморпути. А после войны 1941-1945 годов его передали военным строителям. Еще какое-то время заводик «дышал», пока была потребность в кирпиче. Но пришла, как известно, эпоха бетонно-блочного строительства. И кирпичный завод на Ваенге канул в лету...

Здесь будет город заложен.

Летом 1933 года Кольский полуостров посетила партийно-правительственная делегация, которую возглавлял Иосиф Сталин. Ей предстояло окончательно утвердить места базирования формировавшейся в то время Северной военно-морской флотилии. Под основные будущие базы тогда и определено было два места - Екатерининская гавань и губа реки Ваенги.

Начало любой грядущей стройки предваряется, как известно, проектно-изыскательными работами. Соответствующие специалисты первыми и прибыли сюда из Ленинграда. В 1934 году здесь обосновались военно-строительные органы. А, собственно, стройка развернулась уже в следующем сезоне. Так что 1935 год, ставший концом бытия артели «Лесоруб», стал и началом зарождения новой Ваенги.

Поначалу это был палаточный или «ситцевый» городок - так шуточно окрестили место жительства на территории Приморской площади. Топоры же заработали прежде всего на сооружении береговых причалов. Где, кстати, пригодился лесоматериал, что артельщики бывшего «Лесоруба» оставили в штабелях на сухом возвышении, значительно позднее выровненном под городской стадион. Вокруг-то было тогда довольно болотисто. Признаки такой нежелательной низинности едва улавливаются нынче лишь в городском парке, хоть и значительно осушенном когда-то первыми жителями.

Временные деревянные причалы были первоочередно необходимыми. Ведь все стройматериалы завозились морским путем. Дороги на Мурманск еще и в проекте не существовало: геодезисты только приступили к исследованию в этом направлении, продлившемся до 1935 года. Тем же водным сообщением прибывали провиант и людское пополнение первостроителей.

Поселение из палаток да землянок.

Итак, для всех вновь прибывших Ваенга начиналась от причала, хоть, собственно, поселка еще не существовало: открывался вид на палаточный городок. А вот право на жилье в нем имели преимущественно приехавшие по спецнабору. Для военных строителей наспех сколачивались деревянные казармы, что прочим добровольцам виделось уже роскошью, ибо сложилось негласное правило: коли прибыл самостийно, то сам и обустраивайся... Но прежде каждый, понятно, проходил через отдел кадров Особого военно-строительного управления, через строгий отбор медицинской комиссией на пригодность к работе в суровых условиях заполярной стройки. И воинскую присягу принимали все без исключения. А далее и по комсомольским путевкам юноши могли получить направление... до ближайшей сопки, в обрыве которой устраивали себе жилье в виде землянки. В подспорье выдавалось им энное количество досок, которых хватало лишь на укрепление крыши над головой, склотить стол-временку, скамейку да соорудить на земляной стене полочку под нехитрую посуду алюминиевую. Пол тоже оставался природно-почвенным. В такое отрытое киркой и лопатой помещение едва втискивались три-четыре металлических койки и печурка из листового железа, нареченная «буржуйкой». Из той же «жестянки» круглая труба через колено-отворот выводилась наружу. Для личных пожитков оставалось место лишь под кроватью, и они у каждого хранились в чемодане.

Территория первого палаточного городка (от залива в начале теперешней улицы Сафонова) и ряда землянок (близ нынешних школы № 12 и магазина «Мебель») позднее застроится домами и назовется Нижней Ваенгой.

А завербовавшиеся на стройки Севера все прибывали, иногда десятками и даже сотнями в день. Возник второй «ситцевый» городок на относительно ровной террасе сопочного угора, поднимавшегося в южную сторону - район сегодняшней школы № 7. В склонах же ниже и выше этой природной площадки окапывались опять же землянками. Так что нынешние североморцы, поднимающиеся по лестничным трапам от кинотеатра «Россия», затем к зданию главпочтамта, шагают над бывшими тут когда-то землянками.

Протяженная площадка террасы, впоследствии выровненная, потом застроится одноэтажными сборно-щитовыми домиками вплоть до сегодняшней улицы Саши Ковалева и будет именоваться Средней Ваенгой. Будет и Верхняя...

Палатки были довольно обширными, судя по тому, что вмещали до десятка солдатских коек, а в проходах еще стояли тумбочки и табуреты. Их жители столовались в одноэтажном деревянном здании, стоявшем на месте сегодняшней новой поликлиники для детей.

Летом жизнь в «ситцевом» городке была вполне сносной. Но с наступлением холодов в позднюю осень «буржуйки» в палатках топились почти круглосуточно. Однако если дежурный по поддержанию огня не выдерживал ночного бдения, то, проснувшись, говорят, некоторым из «палаточников» голову от подушки оторвать удавалось не сразу: к наволочке, поначалу отсыревшей, затем морозцем и волосы прихватывало... К зиме на улице Надгорной (теперь Северной) построили несколько жилых бараков.

В землянках же люди и перезимовать умудрялись. Правда, «буржуйки» приходилось раскопчегаривать докрасна, терпя топочную гарь, и спали, зачастую не сняв верхнюю теплую одежду. А на пору вьюжных заварух в земляночных поселениях назначалась дежурная группа снегокопателей, либо договаривались с теми, кто утром возвращался с ночной смены: откопать занесенные двери, которые изнутри отворить было уже невозможно.

Все те невзгоды многим после аукнулись приобретением ревматизма, радикулита. Реально подступала иногда и угроза жизни. Спасались не только дефицитным к весне чесноком, вынужденно пили не очень-то приятный настой из отвара сосновой хвои...

Владимир Смирнов-Владов.

(Продолжение следует...)